

(1) На окраине села, возле издолблённой осколками, пробитой снарядами колхозной клуни, крытой соломой, толпился народ. (2) У широко распахнутого входа в клуню нервно перебирали ногами тонконогие кавалерийские лошади, запряжённые в крестьянские дровни. (3) И откуда-то с небес или из-под земли звучала музыка, торжественная, жуткая, чужая. (4) Приблизившись к клуне, пехотинцы различили, что народ возле клуни толпился непростой: несколько генералов, много офицеров и вдруг обнаружился командующий фронтом.

— (5) Ну занесла нас нечистая сила... — заворчал комроты Филькин.

(6) У Бориса Костяева похолодело в животе, потную спину скоробило: командующего, да ещё так близко, он никогда не видел. (7) Взводный начал торопливо поправлять ремень, развязывать тесёмки шапки. (8) Пальцы не слушались его, дёрнул за тесёмку — с мясом оторвал её. (9) Он не успел заправить шапку ладом. (10) Майор в жёлтом полушубке, с портупеей через оба плеча, поинтересовался, кто такие. (11) Комроты Филькин доложил.

— (12) Следуйте за мной! — приказал майор.

(13) Командующий и его свита посторонились, пропуская мимо себя мятых, сумрачно выглядевших солдат-окопников. (14) Командующий прошёлся по ним быстрым взглядом и отвёл глаза. (15) Сам он хотя и был в чистой долгополой шинели, в папаче и поглаженном шарфе, выглядел среди своего окружения не лучше солдат, только что вылезших с переднего края. (16) Глубокие складки отвесно падали от носа к строго сжатым губам. (17) Лицо его было воскового цвета, смятое усталостью.

(18) И в старческих глазах, хотя он был ещё не старик, далеко не старик, усталость, всё та же безмерная усталость. (19) В свите командующего слышался оживлённый говор, смех, но командующий был сосредоточен на своей какой-то невесёлой мысли.

(20) И всё звучала музыка, хрипя, изнемогая, мучаясь.

(21) По фронту ходили всякого рода легенды о прошлом и настоящем командующего, которым солдаты охотно верили, особенно одной из них. (22) Однажды он якобы напоролся на взвод пьяных автоматчиков и не отправил их в штрафную, а долго вразумлял.

— (23) Вы поднимитесь на цыпочки — ведь Берлин уж видно! (24) Я вам обещаю: как возьмём его — пейте сколько влезет! (25) А мы, генералы, вокруг вас караулом стоять будем! (26) Заслужили! (27) Только дюжьте, дюжьте...

— (28) Что это? — поморщился командующий. — (29) Да выключите вы музыку!

(30) Следом за майором стрелки вошли в клуню, проморгались со свету...

(31) На снопах белой кукурузы, засыпанной трухой соломы и глиняной пылью, лежал погибший немецкий генерал в мундире с яркими колодками орденов, тусклым серебряным шитьём на погонах и на воротнике. (32) В углу клуни, на опрокинутой веялке, накрытой ковром, стояли телефоны, походный термос, маленькая рация с наушниками. (33) К веялке придвинуто глубокое кресло с просевшими пружинами, а на нём — скомканный клетчатый плед, похожий на русскую бабью шаль.

(34) Возле генерала стоял на коленях немчик в кастрюльного цвета шинели, в старомодных, антрацитно сверкающих ботфортах, в пилотке, какую носил ещё Швейк, только с пришитыми меховыми наушниками.

(35) Перед ним, на опрокинутом ящике, хрипел патефон, старик немец крутил ручку патефона, и по лицу его безостановочно катились слёзы...

(36) Командующий с досадой шмыгнул носом. (37) Повелительно приказал:

— Схоронить генерала, павшего на поле боя, со всеми воинскими почестями: домовину, салют и прочее.

(38) Хотя прочего не можем, — командующий отвернулся, опять пошмыгал носом. — (39) Панихиду по нему в Германии справят. (40) Много панихид.

(41) Кругом сдержанно посмеялись.

— (42) Его собакам бы скормить за то, что людей стравил. (43) За то, что Бога забыл.

— (44) Какой тут Бог? — поник командующий, утирая нос рукавицей. — (45) Если здесь не сохранил, — потыкал он себя рукавицей в грудь, — нигде больше не сыщешь.

(46) Борису нравилось, что сам командующий фронтом, от которого веяло спокойной, устоявшейся

силой, давал такой пример благородного поведения, но в последних словах командующего просквозило такое запёкшееся горе, такая юдоль человеческая, что ясно и столбу сделалось бы, умей он слышать: игра в благородство, агитационная иль ещё какая показуха, спектакли неуместны после того, что произошло вчера ночью и сегодняшним утром здесь, в этом поле, на этой горестной земле.

(47) Командующий давно отучен войной притворяться, выполнял он чей-то приказ, и всё это было ему не по нутру, много других забот и неотложных дел ждало его, и он досадовал, что его оторвали от этих дел.

(48) Мёртвых и пленных генералов он, должно быть, навиделся в досталь.

(49) Командующий что-то буркнул, резко отвернулся, натянул папаху на уши и, по-крестьянски бережно подоткнув полы шинели под колени, устроился в санях.

(50) Что-то взъерошенное и в то же время бесконечно скорбное было в узкой и совсем не воинственной спине командующего, и даже в том, как вытирал он однопалой солдатской рукавицей простуженный нос, виделась человеческая незащищённость.

(51) Так и не обернувшись больше, он поехал по полю. (52) Сани качало и подбрасывало на бугорках, полозьями обнажало трупы.

(53) Кони вынесли пепельно-серую фигуру командующего на танковый след и побежали бойчее к селу, где уже рычали, налаживая дорогу, тракторы и танки. (54) И когда за сугробами скрылись лошади и тоскливая фигура командующего, все долго подавленно молчали.

(По В.П. Астафьеву)